

Кожеуров Станислав Александрович

В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КРИЗИСА: "ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА" ГРАЖДАНСКО-ВОЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В центре внимания автора статьи находятся причины масштабного теоретического кризиса "политологической парадигмы" гражданско-военных отношений и анализ выхода из данного кризиса в 2000-х годах. Показав связь теоретического кризиса гражданско-военных отношений с постепенным упадком теории модернизации в 1980-х годах, автор освещает альтернативные пути теоретического поиска и показывает, как теоретические поиски 2000-х годов привели к фактической фрагментации "политологической парадигмы" вплоть до ее полного исчезновения как единого исследовательского направления. В заключение статьи делается обзор современного состояния гражданско-военных исследований и показывается, насколько плодотворным может быть изучение современных теоретических моделей для формирования собственного российского подхода к выстраиванию взаимодействия армии с политической системой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 99-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

INCREASING ROLE OF TECHNOLOGIES IN MODERN POLITICAL PROCESS

Kiselev Viktor Ivanovich

*Yaroslavl' State University named after P. G. Demidov
kisselyov@list.ru*

The author conducts the comparative analysis of the definitions of the notion "technology", considers this term with respect to political sciences, reveals the features of technology and its procedure components, considers the conditions of political process technologization and its stages, studies this phenomenon in two interrelated aspects: as a quantitative increase of political activity technical component and as a social-political activity formalization; determines the essential characteristics of political process technologization, and reveals the role, place and significance of technologies in political process.

Key words and phrases: political process; technology notion; political technologies; political communication; information technologies; politics technologization.

УДК 303.01

Политология

В центре внимания автора статьи находятся причины масштабного теоретического кризиса «политологической парадигмы» гражданско-военных отношений и анализ выхода из данного кризиса в 2000-х годах. Показав связь теоретического кризиса гражданско-военных отношений с постепенным упадком теории модернизации в 1980-х годах, автор освещает альтернативные пути теоретического поиска и показывает, как теоретические поиски 2000-х годов привели к фактической фрагментации «политологической парадигмы» вплоть до ее полного исчезновения как единого исследовательского направления. В заключение статьи делается обзор современного состояния гражданско-военных исследований и показывается, насколько плодотворным может быть изучение современных теоретических моделей для формирования собственного российского подхода к выстраиванию взаимодействия армии с политической системой.

Ключевые слова и фразы: гражданско-военные отношения; политологическая парадигма; кризис 1980-х годов; С. Хантингтон; модернизация; вооруженные силы России.

Кожеуров Станислав Александрович*Институт востоковедения Российской академии наук
maarav@gmail.com***В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КРИЗИСА:
«ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА» ГРАЖДАНСКО-ВОЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА©**

Изучение взаимодействия вооруженных сил и политической системы представляется одним из наиболее значимых направлений в гражданско-военных исследованиях. Возникшее еще в конце 1950-х – начале 1960-х годов в США, данное направление, основоположником которого по праву может быть назван крупный американский политолог С. Хантингтон, прошло за шесть десятилетий своего существования значительный, хотя и далеко не всегда однозначный, путь теоретического развития. Изначально междисциплинарные, функционировавшие на стыке социологии, политологии и истории, гражданско-военные исследования на протяжении многих лет были одной из наиболее значимых областей в социальных науках. Такие крупные ее представители как С. Хантингтон, М. Яновиц, Ч. Москос, А. Перлмуттер, С. Файнер и др. ставили перед собой задачу осмыслить модели взаимодействия армии с политическими институтами в демократическом обществе и понять, каким образом политические институты, сами, с очевидностью, нуждающиеся для своего функционирования в вооруженных силах, могли защититься от них и не стать их жертвой.

Актуальность этого вопроса, как для политологов-теоретиков, так и для политиков-практиков, подтверждается хотя бы тем фактом, что на протяжении десятилетий в рамках «политологической парадигмы» (а именно такое название получило данное направление) гражданско-военных исследований ежегодно публиковались десятки значимых эмпирических и теоретических работ. Казалось бы, построенные на основе обобщения колоссального эмпирического материала и отточенные за десятилетия работы сотен социологов и политологов теоретические модели гражданско-военных отношений должны были постепенно стать если не идеальным, то, по крайней мере, очень действенным инструментом описания, анализа и предсказания процессов в самых разных странах мира.

Ситуация, однако, парадоксальным образом оказалось обратной: в начале 1990-х годов авторы-теоретики, занимавшиеся исследованиями взаимоотношений вооруженных сил и политических институтов, заговорили о кризисе парадигмы, о необходимости поиска новых теоретических моделей [15, р. 324].

Их коллеги эмпирики публиковали статьи с алармистскими названиями, явно указывавшими на неработоспособность существовавших на тот период теорий. Наконец, в начале 2000-х годов некоторые крупные исследователи, как, например, профессор политологии Чикагского университета Р. Шифф, вообще призвали отказаться от теоретического наследия, восходящего к С. Хантингтону [13, p. 15].

Речь шла, таким образом, об очевидном кризисе «политологической парадигмы» гражданско-военных отношений. Кризис этот, ставший уже очевидным в 1980-е годы, но оказавшийся во многом неожиданным для самих исследователей военно-гражданских отношений, затронул самые основы парадигмы – ее теоретический фундамент. Выход из него намечался, как представляется, только в начале 2000-х годов, с практически одновременной публикацией, с разницей в несколько лет, нескольких исследований, претендовавших на обновление «политологической парадигмы».

Эта интеллектуальная история одного из важнейших направлений в американских и европейских социальных науках на протяжении многих лет оказывалась странным образом неосвещенной в отечественной литературе. Отдельные, причем исключительно немногочисленные, научные статьи на русском языке, посвященные анализу прошлых и современных теоретических моделей гражданско-военных отношений, представляются важными, но далеко не достаточными для понимания динамики происходящих в рамках данного исследовательского направления изменений [1-3]. Игнорирование отечественными учеными достижений и проблем гражданско-военных исследований США и Европы кажется тем более странным, если учесть стоящие сегодня перед Россией задачи модернизации – и в частности, модернизации вооруженных сил, которая невозможна без общего, концептуально-теоретического видения возможных моделей их взаимодействия с демократическими политическими институтами.

Данная статья, таким образом, является попыткой восполнить тот информационный вакуум, который существует сегодня в русскоязычном научном поле относительно современного состояния гражданско-военных исследований. Автор статьи ставит перед собой следующие задачи: во-первых, проанализировать причины кризиса теорий гражданско-военных отношений в 1980-е годы и, во-вторых, показать, каким образом в начале 2000-х годов был найден выход из этого кризиса, и в чем состояла его специфика.

«Политологическая парадигма» теорий гражданско-военных отношений: от формирования в 1950-е к кризису в 1980-е годы

Центральной в истории эволюции теорий гражданско-военных отношений является предложенная в 1957 году профессором политической науки Гарвардского университета С. Хантингтоном *теория объективного гражданского контроля*. Изложенная в масштабной работе «Солдат и государство: теория и практика гражданско-военных отношений», она изначально претендовала на то, чтобы стать принципиально новым, универсальным по своему характеру инструментом анализа взаимодействия армии с политической системой [9]. Влияние предложенной С. Хантингтоном теории на последующие исследования в области гражданско-военных отношений оказалось исключительно велико и проявилось, как минимум, в двух аспектах. С одной стороны, дальнейшая эволюция изучения механизмов взаимодействия вооруженных сил с политической системой и обществом представляла собой либо интеллектуальное развитие теории гражданского контроля, либо прямую или косвенную полемику с ней. С другой стороны, теория объективного гражданского контроля содержала в себе в высшей степени удачный и удобный для практического применения набор терминов, которые прочно закрепились в понятийном аппарате гражданско-военных исследований и продолжают использоваться вплоть до сегодняшнего дня.

Теория гражданского контроля С. Хантингтона, состоявшая из трех важнейших элементов – идеи «профессиональной армии» [Ibidem, p. 20-58], идеи «объективного гражданского контроля» [Ibidem, p. 80-85] и идеи «сбалансированной конфигурации» [Ibidem, p. 186-190] взаимодействия высших должностных лиц страны, заложила основы нового направления – гражданско-военных исследований. При ее несомненном интеллектуальном изяществе, внутренней непротиворечивости и солидной эмпирической фундированности, она содержала в себе две «опасные» особенности.

Во-первых, речь идет о неявных культурных и мировоззренческих основаниях теории гражданского контроля. С. Хантингтон, выстраивая свою теорию, очевидно, исходил из того, что любое вмешательство военных в политику, как впрочем и любая политизация армии, априорно деструктивны как для самих военных, так и для гражданской сферы. Данная точка зрения, до известной степени обоснованная и логичная, представляется все же некритической опорой на специфический англо-саксонский опыт. Соединенные Штаты Америки и Великобритания действительно обладают наиболее своеобразным опытом формирования вооруженных сил. Ввиду географического положения обеих стран, они в течение долгого времени не испытывали нужды в содержании постоянной регулярной армии, полагаясь на флот и иррегулярные силы, по образцу милиции. Перелом, произошедший в 1914-1917 годах, когда и США, и Британия ввели системы обязательной воинской повинности, воспринимался населением этих стран, и в частности – интеллектуалами, крайне болезненно [4, p. 205-208]. А любое участие военных в политике – как первый шаг к установлению военной диктатуры. Именно этот специфически англо-саксонский опыт стал «питательной средой» для одной из важнейших предпосылок теории С. Хантингтона. Ее постепенное превращение в аксиому в рамках более поздних теорий гражданско-военных отношений стало скорее ограничителем их познавательного потенциала.

Во-вторых, важная особенность теории гражданского контроля состоит в ее индуктивном характере. Она стала фактически продуманным и оригинально проинтерпретированным обобщением специфического опыта послевоенной Британии (1945-1957) и ранней Германской империи (1871-1914), с некоторыми дополнениями из социального опыта США. Собранный на основе анализа событий лишь в трех (!) странах и обобщенный материал лег в основу теоретических заключений, которые впоследствии начали рассматриваться в качестве универсальных и применимых к любой стране мира.

Несмотря на данные достаточно проблематичные особенности теории гражданского контроля, она, в момент своей публикации, идеально соответствовала критериям парадигмо-формирующей теории [11]. Внутренне непротиворечивая, эвристичная и достаточно разработанная, чтобы предоставить следующему поколению ученых концептуальный аппарат и круг исследовательских вопросов, она носила при этом достаточно общий характер и оставляла значительно количество неразрешенных проблем для продолжения работы будущими исследователями.

В частности, такими неразрешенными, или скорее – не до конца разрешенными, в рамках теории гражданского контроля проблемами стали, с одной стороны, *возможность ее применения по отношению к неевропейским странам*. Реалии стран азиатско-африканского региона 1960-х и 1970-х годов требовали не только корректировки и дополнения терминологии теории гражданского контроля, но и довольно существенного изменения самой исследовательской проблемы. Вопрос об условиях гражданского контроля над вооруженными силами в значительной мере уступил центральное место проблеме военных переворотов. Этот феномен, ставший практически обыденностью во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки, и оказался в фокусе внимания последователей С. Хантингтона.

Динамика адаптации теорий гражданско-военных отношений к исследованию стран «третьего мира» может быть проиллюстрирована на примере трех наиболее значительных теорий – теории взаимодействия вооруженных сил и политической системы С. Файнера (1915-1993) [7], теории военных переворотов самого С. Хантингтона [8] и теории трансформации вооруженных сил А. Перлмуттера (1932-2001) [12].

К 1975-1977 годам в рамках гражданско-военных исследований были сформулированы наиболее значимые теории. С этого момента начинается постепенная стагнация исследовательского направления, проявившаяся, прежде всего, в практически полном отсутствии на протяжении почти двадцати лет (между 1977 и 1995 годами) теоретических работ, сравнимых по глубине и масштабам с работами С. Хантингтона, А. Перлмуттера или М. Яновица. 1980-е и начало 1990-х годов стали периодом глубокого теоретического кризиса в гражданско-военных отношениях. Представляется, что существуют по меньшей мере *три значительных причины, приведших направление к теоретическому кризису*.

Во-первых, все без исключения теории, сформулированные с 1957 по 1977 годы, независимо от того, был ли фокус их внимания сосредоточен на политической или на социальной сфере, унаследовали важную и, как оказалось в ретроспективе, наиболее пагубную характеристику основополагающей работы С. Хантингтона – европоцентризм. Построенная изначально на основе индуктивного обобщения не просто европейского, а конкретно англо-германского социального и исторического опыта, взятого в узкий исторический момент конца XIX – начала XX века, теория гражданского контроля оказалась наилучшим образом «заточенной» под объяснение европейских феноменов.

Масштабные попытки преодолеть эту однобокость, предпринятые последователями С. Хантингтона, развить и адаптировать эту теорию к реалиям азиатско-африканского региона оказались, как видится, лишь отчасти успешными. С одной стороны, обогащенные новыми терминами, отражавшими не существовавшие в Европе социальные и политические феномены и значительно усложненные с точки зрения внутренней логики и рассуждений теории, предложенные С. Файнером, С. Хантингтоном, А. Перлмуттером и другими, по-прежнему явно или неявно брали за образец, эталон механизмы взаимодействия вооруженных сил и общества, сложившиеся в Европе и США, и полагали их конечной, идеальной целью развития других обществ. С другой стороны, усложнение теорий не привело к их реальной универсализации: практически всегда находилось определенное количество стран, которые не вписывались в теоретическую модель и объяснялись исследователями «уникальными». В частности, Израиль неизменно становился одной из таких стран.

Европоцентризм теорий гражданско-военных отношений проявлялся также в идейной аксиоматике этих теорий. Профессиональные вооруженные силы виделись теоретиками в качестве неоспоримого нормативного образца армии; гражданский контроль со стороны гражданских институтов власти над вооруженными силами также представлялся им единственно правильной моделью организации взаимодействий армии и политической системы; преимущественная роль армии как агента социализации и инструмента внешней защиты – все эти идейные аксиомы некритически воспроизводились самыми разными исследователями, которые закладывали их в фундамент своих теорий.

Представляется, что к началу-середине 1980-х годов теории гражданско-военных отношений в своих базовых основах оказались практически идентичными основополагающей теории С. Хантингтона, сформулированной еще в середине 1950-х годов. Неспособность исследователей гражданско-военных отношений критически переосмыслить мировоззренческие основы своих рациональных построений не могла, однако, привести целое исследовательское направление к теоретическому кризису.

Второй причиной теоретического кризиса 1980-х и 1990-х годов стала опора теорий гражданско-военных отношений, с одной стороны, на теорию модернизации в политической науке, а с другой – на структурно-функционалистскую традицию в социологии. Инкорпорирование теории модернизации в гражданско-военные исследования сыграло двойственную роль в их развитии. С одной стороны, этот шаг разрешил кратко- и среднесрочные задачи, стоявшие перед теоретиками – а именно, позволил адаптировать идеи С. Хантингтона к незападным обществам и значительно повысил объяснительный и предсказательный потенциал теорий. С другой же стороны, на определенном этапе гражданско-военные исследования фактически растворились в теории модернизации, став ее составным элементом, потеряв интеллектуальную самостоятельность.

Предложенная в самом начале эпохи Холодной войны теория модернизации, предполагавшая, что все страны, так или иначе, должны пройти путь «осовременивания» по образцу США и Великобритании, стала

ключевым элементом западной социальной науки и оставалась таковой вплоть до середины 1970-х годов [14]. В этот период видные исследователи, в основном неомарксисты, сумели убедительно показать несоответствие теоретических положений идеи модернизации и реальных процессов, протекавших в странах «третьего мира». Несмотря на многочисленные попытки сторонников теории модернизации сделать ее положения более релевантными реальности, процесс постепенной маргинализации данного направления оказался необратим.

«Отступление» теории модернизации привело к своего рода цепной реакции в социальных науках: те исследовательские направления, которые в той или иной мере опирались на идеи модернизации, также оказались уязвимыми перед критикой и вступили в полосу теоретического кризиса. Гражданско-военные исследования были в их числе. Казавшиеся некогда исключительно эвристичными, идеи С. Хантингтона о типах военных переворотов, тезисы А. Перлмуттера о революционных вооруженных силах оказались под серьезным сомнением.

Под таким же сомнением оказались и выводы, предложенные теми теоретиками, которые разрабатывали проблему взаимодействия вооруженных сил и общества. Структурный функционализм, некогда бывший практически ортодоксией американской социологии, постепенно уступал свои лидирующие позиции лево-радикальным школам. Опиравшиеся на функционалистскую традицию теории гражданско-военных отношений также стали предметом острой критики, в первую очередь за внутренне присущий им консерватизм.

Наконец, в-третьих, события конца 1980-х – начала 1990-х годов, прежде всего распад СССР и многочисленные акты этнического насилия на его периферии, гражданская война в постепенно распадавшейся Югославии и война в Ираке, – оказали серьезнейшее влияние на развитие гражданско-военных исследований. Массовые военные преступления и этнические чистки с участием военных на Балканах, сохранение крупных массовых армий в странах Европы в условиях исчезновения внешней, советской, угрозы, постепенная дезинтеграция гражданского контроля над вооруженными силами в странах Восточной Европы, так и не приведшая, однако, к вмешательству военных в политику – эти и иные события подставили под сомнение актуальность теорий гражданского контроля применительно к странам Европы и Америки в новую эпоху.

Внимательным наблюдателям событий казалось, что эти теории, созданные на материале Европы и «заточенные» под анализ европейских феноменов, перестают объяснять что-либо в самой Европе. Своеобразный итог продолжительной теоретической стагнации гражданско-военных исследований был подведен в начале 1990-х годов американским исследователем К. Уэлчем: в изданной им небольшой, но довольно эмоциональной статье он прямо указал на то, что «направление гражданско-военных исследований отчаянно требовало новой теоретической базы» [15, p. 325].

Перед лицом очевидного уже к концу 1980-х годов теоретического кризиса, специалистам в области гражданско-военных отношений требовалось сформулировать новые теории, которые могли бы стать достойной альтернативой очевидно изжившим себя классическим теориям 1950-х – 1970-х годов. Задача эта по своей сложности, как представляется, была сравнима с той, которую в 1957-1960 годах решали С. Хантингтон и М. Яновиц: необходимо было не просто предложить новые теоретические модели, но сделать их инструментальными для описания максимально широкого количества случаев во все более усложняющемся мире.

Обновление «политологической парадигмы» и три пути выхода из теоретического кризиса

Выход из теоретического кризиса в целом начался в начале 2000-х годов. Примечателен тот факт, что единой новой теории, подобно сформулированной в 1957 году теории гражданского контроля, исследователи представить не смогли. Напротив, *наметилось три основных, и довольно разных по своему характеру, пути выхода из кризиса*: первый путь, по которому пошли канадские специалисты-политологи М. Деш и Д. Бланд, может быть назван «консервативным»; второй путь, обозначенный американским политическим ученым П. Фивером, может быть обозначен как «либеральный»; наконец, третий путь, представленный также американским политологом Р. Шифф, представляется «радикальной» попыткой найти выход из сложившегося теоретического тупика. На сегодняшний день именно указанные три теории видятся наиболее перспективным продолжением традиции гражданско-военных исследований.

«*Консервативный путь*» выхода из теоретического кризиса был представлен *обновленной теорией гражданского контроля*, предложенной в 1999 году [5]. С одной стороны, данная теория гражданского контроля является логическим продолжением идей С. Хантингтона. В ней сохранены базовые аксиомы теории 1957 года: жесткая субординация вооруженных сил гражданским политикам; функциональное разделение военного и гражданского секторов; институциональное разделение между гражданским и военным. С другой же стороны, обновленная теория гражданского контроля лишена присущей идеям С. Хантингтона претензии на универсальность (в своей работе М. Деш подчеркивает, что не стремится построить всеобщую теорию гражданско-военных отношений), «очищена» от любых заимствованных из теории модернизации концепций и носит дедуктивный характер, то есть основывается не на обобщении некоего эмпирического опыта, но строится на основе определенных формально-логических предпосылок.

В рамках обновленной теории гражданского контроля вооруженные силы и политическая система представлены в качестве элементов внутренне сложной структуры (государства), которая находится в постоянном взаимодействии с внешней средой. Взаимодействие различных элементов внутри структуры определяется динамическим процессом убывания или возрастания внешних и внутренних угроз ее стабильности. Степень контроля гражданских институтов власти над военными в том или ином государстве оказывается, таким образом, функцией от характера, интенсивности и продолжительности внешних и внутренних факторов [Ibidem, p. 13-18].

В том случае, если государство подвергается серьезной внешней угрозе, не испытывая при этом вызовов изнутри, гражданский контроль над вооруженными силами должен быть максимален, так как внешняя угроза сплачивает все элементы структуры. Обратная ситуация, то есть наличие серьезных внутренних

угроз при относительном внешнем мире, приведет к ослаблению гражданского контроля над армией, которая получит от политической элиты «карт-бланш» на устранение внутренних противников режима. Перебор остальных комбинаций в логике данной теории также показывает, что гражданский контроль над вооруженными силами как в случае сочетания внешних и внутренних угроз, так и в случае отсутствия обеих, постепенно ослабевает [Ibidem, p. 14-19].

Каждая комбинация переменных в рамках данной теории сопровождается определенными пояснительными комментариями, носящими, скорее, характер здравого смысла. Апробация автором предложенной им теории происходит на изучении нескольких стран, в основном европейского культурного ареала.

Обновленная теория гражданского контроля представляется очень спорной. Ее основанные на логике и некотором «здравом смысле» объяснительные схемы далеко небезупречны и порой вызывают больше вопросов, чем предоставляют ответов. Количество примеров, на которых автор показывает, каким образом «работает» эта теория, также видится исключительно малым. Наконец, само стремление М. Деша возродить базовые идеи теории С. Хантингтона и приспособить терминологический аппарат его теории к новой реальности кажется само по себе далеко не самоочевидным шагом. В этом контексте важность обновленной теории гражданского контроля заключается, скорее, в том, что она стала первой попыткой найти некоторое, применимое к миру конца XX века теоретическое решение проблем гражданско-военных отношений, ее интеллектуальные достижения, напротив, кажутся очень сомнительными.

Альтернативный «*либеральный путь*» выхода из теоретического кризиса 1980-х годов был предложен несколькими годами позже, в 2003 году. Первенство формулирования очень оригинальной *патрон-клиентской теории гражданского контроля* принадлежит американскому политологу П. Фиверу [6].

Новация данной теории состоит в том, что она, сохраняя базовые концепты, термины и идейные предпосылки теории С. Хантингтона, заимствует объяснительные модели из экономической науки. Это явление, «эпистемическая интервенция», было очень характерно для американской политической науки 1990-х и 2000-х годов: очень формализованные, математизированные и опирающиеся на теории рационального выбора и теорию игр объяснительные модели экономики широко применялись для решения задач, ставившихся в рамках политической науки. Так, используемая в патрон-клиентской теории гражданского контроля «модель хозяина и слуги» заимствована из микроэкономики.

Основой патрон-клиентской теории служит, следовательно, метафора гражданского политического института как «хозяина», нанимающего на определенных основаниях для собственной защиты «слугу» – то есть, формирующего вооруженные силы. Оба агента взаимодействия, и «хозяин», и «слуга», воспринимаются как абсолютно рациональные акторы, действующие с целью максимизации собственного блага. И «хозяин», и «слуга» обладают определенным набором возможных действий друг в отношении друга, каждое из которых несет как потенциальные выгоды, так и потенциальные риски. Проблема, таким образом, состоит в том, чтобы просчитать оптимальную модель действий «хозяина», гражданских политических институтов власти, чтобы его контроль над вооруженным «слугой» был максимальным при минимальных рисках [Ibidem, p. 4]. Построенная на основе применения сложных моделей высшей алгебры и не всегда обоснованных допущений патрон-клиентская теория стремится на математическом уровне разрешить эту проблему.

Важно заметить, что автор теории, П. Фивер, демонстрирует значительную степень интеллектуальной честности. По его собственным словам, дальнейшие разработки на основе данной теории могут вестись только в реалиях Соединенных Штатов и некоторых стран Западной Европы [Ibidem, p. 10]. Он нисколько не претендует на применимость его патрон-клиентской теории к другим, неевропейским, типам обществ. При этом, исследователь также отдает себе отчет в том, что его теория опирается на значительные допущения, самыми спорными из которых являются абсолютная внутренняя монолитность «хозяина» и «слуги» (гражданского и военного секторов) и их абсолютная рациональность в достижении целей и минимизации рисков [Ibidem, p. 16].

Тот факт, что «либеральный путь» и «консервативный путь» вывода гражданско-военных исследований из теоретического кризиса достаточно сильно отличаются друг от друга, очевиден. Между тем, лежащие на поверхности различия не должны скрывать их важных, если не сказать – фундаментальных, сходств. При всей разности рационального аппарата двух упомянутых выше теорий, их «доменные предпосылки» (в терминах А. Гулднера), то есть базовые мировоззренческие, нерелексированные авторами предпосылки, являются общими. Таких «доменных предпосылок», ставящих своего рода невидимые рамки познавательному потенциалу теории, можно насчитать четыре.

Во-первых, как обновленная теория гражданского контроля, так и патрон-клиентская теория заимствуют из классической работы С. Хантингтона тезис о необходимости жесткого функционального и институционального разделения военного и гражданского секторов. Воспроизводившийся из теории в теорию на протяжении 1960-х и 1970-х годов, этот тезис лег в основе рассуждений как М. Деша, так и П. Фивера. В рамках обеих теорий данный тезис воспринимается как аксиома, своего рода *sine qua non* гражданско-военных отношений.

Во-вторых, независимо от разнящихся нюансов и деталей, обе современные теории гражданско-военных отношений заимствуют из 1950-х годов и воспроизводят идею о необходимости субординации вооруженных сил гражданским политическим институтам. Любое вмешательство военных в политический процесс, или хотя бы политизация армии, не воспринимаются на мировоззренческом уровне как негативные и деструктивные явления как для гражданской, так и для военной сфер.

В-третьих, социальный и исторический опыт США, а также Британии и Германии становился и для С. Хантингтона в 1950-е годы, и для М. Деша и П. Фивера в 2000-е наиболее важным, эталонным. Обе рассматриваемые современные теории содержат в себе потенциальную возможность для универсализации обобщений, сделанных на основе изучения локального американского или британского опыта.

Наконец, в-четвертых, фокус внимания как обновленной теории гражданского контроля, так и патрон-клиентской теории сосредоточен на политической сфере. Общество в целом и его взаимодействие с вооруженными силами оказываются в лучшем случае фоном или же не принимаются в расчет вообще. Данное разграничение политического и социального в современных гражданско-военных теориях оказывает, как представляется, искажающий эффект на восприятие исследованиями реальности, во многом упрощая картину.

Именно эти «доменные предпосылки» и их некритическое заимствование друг у друга самыми различными специалистами в области гражданско-военных отношений стали объектом острой критики со стороны профессора политической науки Чикагского университета Ребекки Шифф. Необходимо отметить, что она была одним из немногих специалистов, кто еще в 1990-е годы призывал к отказу от идей С. Хантингтона и выработке некоей принципиально новой, не европоцентричной теории. Ее опубликованная в 2009 году книга «Вооруженные силы и внутренняя политика: теория взаимного согласия в гражданско-военных отношениях» стала поворотным моментом в истории исследовательского направления и положила начало *«радикальному пути» выхода из теоретического кризиса 1980-х годов* [13].

Первой, и как представляется, наиболее важной особенностью теории взаимного согласия является преодоление ею европоцентризма, характерного для всех предшествующих ей теоретических моделей. Отправной точкой в конструировании исследователем данной теории стало признание уникальности исторического и социального опыта каждой страны и отказ от универсализации основанных на обобщении американского и британского положений. Это означало не только отказ от абсолютизации идеи разделения военного и гражданского секторов, но и также критическое переосмысление до того центрального тезиса всех теорий гражданско-военных отношений – необходимости гражданского контроля над армией.

Еще одной важной особенностью теории взаимного согласия является преодоление ею дихотомии «общество – государство». Изучение взаимодействия вооруженных сил с политической системой с необходимостью должно дополняться, притом в рамках одной теории, изучением механизмов взаимодействия армии с обществом – таков один из центральных постулатов Р. Шифф [Ibidem, p. 32]. Государство, осуществляющее функцию насилия и принуждения посредством полиции и вооруженных сил, должно так или иначе легитимировать свои действия и добиваться в той или иной форме поддержки общества. Следствие из этого парадоксальным образом неочевидного для предыдущих теоретиков положения состоит в том, что изменение взаимодействия общества и государства, общества и вооруженных сил с высокой степенью вероятности может повлиять на взаимоотношения военного и политического истеблишмента.

Важной чертой теории взаимного согласия является также и то, что вопреки устоявшемуся в 1990-е годы тренду на математизацию и формализацию социальных наук она уделяет особое внимание историческим и культурным аспектам проблемы гражданско-военных отношений.

Суть «теории взаимного согласия», которую Р. Шифф в своей книге излагает, к сожалению, несколько неформально и порой неакадемично, состоит в следующем. Исторические, культурные и социальные особенности каждой конкретной страны ведут к формированию, с одной стороны, определенного типа вооруженных сил, а с другой – особым механизмам взаимодействия армии с политической системой и обществом. Механизмы эти могут быть самыми разнообразными. Так, европейский исторический опыт привел к созданию разделенных институционально военного и гражданского секторов и подчиненной политическим институтам профессиональной армии. Однако этот тип далеко не универсален – возможно складывание принципиально иных механизмов, предполагающих, скажем, военно-гражданское партнерство или же вообще неразличение гражданских и военных институтов.

Все типы и все механизмы гражданско-военных отношений являются равно легитимными, независимо от того, насколько они близки или далеки от сложившейся на Западе модели гражданского контроля над автономной военной сферой. Ключевой характеристикой того или иного типа отношений армии с политической системой и обществом является не степень «гражданского контроля», а (здесь Р. Шифф вводит свой ключевой теоретический неологизм) «военно-гражданское согласие». Манифестация согласия – конструктивное взаимодействие военной и политической элит, а также общественный консенсус относительно роли армии и статуса военных в стране [Ibidem, p. 41].

«Военно-гражданское согласие» достигается путем нахождения консенсуса (между офицерским корпусом и политической элитой, а также между армией и обществом) по четырем ключевым проблемам: во-первых, принцип формирования офицерского корпуса (военной элиты) и степени участия армии в формировании политической элиты страны; во-вторых, участие генералитета и армии в целом в разработке, принятии и реализации важнейших внутри- и внешнеполитических решений; в-третьих, характер и сроки воинской обязанности для граждан, а также ее распределение между различными социальными группами; в-четвертых, соответствие структуры, этоса и символической системы вооруженных структуре этосу и символической системе общества [Ibidem, p. 43-47].

Очевидно, что первые два критерия относятся к сфере взаимодействия армии с политической системой, в то время как последние два – к сфере отношений вооруженных сил с обществом. Важно отметить, что «военно-гражданское согласие» обладает в рамках теории Р. Шифф двумя важными характеристиками. С одной стороны, оно далеко не обязательно формально зафиксировано (в правовых актах, законах, формальных нормах). С другой стороны, оно никогда не статично, так как речь идет о согласии не абстрактных «секторов» или «институтов», а прежде всего – приходящих и сменяющих друг друга людей и групп людей, но всегда динамично. Изучать его, таким образом, возможно только в исторической перспективе.

Реализация этой довольно необычной задачи требует, по мнению Р. Шифф, последовательного достижения двух целей. Сначала необходимо проанализировать путь складывания того типа гражданско-военных

отношений, который существует в стране изучения, причем в исторической перспективе и в контексте культурных особенностей. Затем – изучить механизм функционирования «военно-гражданского согласия» или же причины его кризисов сообразно предложенным ранее критериям [Ibidem, p. 40].

При всей важности нововведений Ребекки Шифф и стройности ее рассуждений, ее теория обладает двумя выраженными недостатками. Прежде всего, в ней отсутствует важнейший компонент «политологической парадигмы» – фактор внешней угрозы. Действительно, все предложенные автором четыре критерия «военно-гражданского согласия» носят исключительно внутривнутриполитический характер. При внимательном прочтении теории Р. Шифф создается ощущение, что изучаемые ей государства существуют в вакууме, не испытывая давления во внешнеполитической сфере. Вне сомнения, любое применение данной теории должно дополнительно учитывать влияние внешней угрозы как фактор, не игнорируя его, как то делает Р. Шифф. Второй очевидный недостаток «теории взаимного согласия» состоит в отсутствии конкретной методологии исследования поставленных проблем. Иными словами, для изучения каждого из обозначенных автором критериев возможно применение терминологии и методологии как структурного функционализма, так и неомарксизма или какой-либо иной теории. Эта нарочитая нестрогость теории хотя и придает ей специфический демократизм, потенциально может стать источником разногласий при интерпретации результатов.

В целом же, как представляется, Р. Шифф предприняла попытку построить очень демократичную теорию гражданско-военных отношений, минимально ограничивающую специалистов-страноведов и представляющую собой, по-видимому, лучший на сегодняшний день инструмент для анализа незападных обществ, в особенности тех стран, которые рассматривались в рамках классических парадигм как уникальные и не поддающиеся теоретизированию.

Современное состояние гражданско-военных исследований и их практическая актуальность для России

На основе произведенного анализа динамики развития «политологической парадигмы» гражданско-военных отношений представляется возможным сделать два принципиально важных вывода.

Во-первых, как было показано выше, теоретический кризис 1980-х годов стал результатом опоры «политологической парадигмы», в том виде, как она сложилась в 1960-е и 1970-е годы, на *теорию модернизации*. Некритическое заимствование теоретиками гражданско-военных отношений концептов, идей, предпосылок и объяснительных схем теории модернизации привело к тому, что любая критика в ее адрес становилась потенциально опасной и для самих гражданско-военных исследований. Постепенный упадок теории модернизации, вызванный, с одной стороны, объективным несоответствием ее базовых положений и наблюдаемой в 1980-х годах реальностью, в особенности в странах Азии и Африки, а с другой – успешной ее критикой со стороны представителей лево-радикальной социологии, привел к тому, что гражданско-военные исследования лишились той основы, на которой покоились практически все выводы и предположения.

Во-вторых, представляется, что наиболее адекватной характеристикой современного состояния «политологической парадигмы» гражданско-военных исследований является ее *формальная и сущностная фрагментация*. Тот факт, что из теоретического кризиса 1980-х – 1990-х годов намечилось сразу три довольно разных пути выхода («консервативный», «либеральный» и «радикальный»), означает фактический распад некогда единой «политологической парадигмы» гражданско-военных исследований на три части. Сделать данный, достаточно жесткий, вывод позволяет не только очевидная из приведенного выше анализа разница работ Р. Шифф, П. Фивера и М. Деша, но и то, что в каждом из обозначенных путей с очевидностью стала доминировать своя собственная, заимствованная либо из экономики (П. Фивер), либо из социологии (Р. Шифф), либо из политологии (М. Деш) объяснительная схема. Гармоничное сочетание подходов разных социальных наук, имевшее место в работах 1960-х–1970-х годов, уступило место доминированию экспликативной модели той или иной социальной науки.

На сегодняшний день существуют, следовательно, несколько альтернативных теоретических моделей, претендующих на описание и объяснение взаимодействия вооруженных сил и политической системы. Особенно важным в этом контексте представляется умение практически применить сформировавшиеся на сегодняшний день модели и схемы в условиях Российской Федерации, для анализа происходящих в ней социальных и политических процессов.

Задача модернизации вооруженных сил России, заявленная в президентских посланиях Федеральному Собранию (2011 и 2012 годов) и неизменно обсуждаемая в экспертном сообществе, ставит перед российскими исследователями и специалистами-практиками две важных задачи: с одной стороны, выработать общую концепцию развития вооруженных сил на ближайшие десятилетия, а с другой – выработать набор технических мер по реализации поставленных общих задач.

Важно подчеркнуть, что любые технические меры оказываются бессмысленными, если отсутствует общее видение, своего рода «горизонт», развития вооруженных сил, которое включает в себя, в частности, также и понимание того, как должны выстраиваться взаимоотношения между армией и политическими институтами. Именно в этом исключительно практическом контексте изучение опыта гражданско-военных исследований и современных теоретических моделей может оказаться жизненно важным.

Так, радикальное по своей сути, но исключительно важное исследование Р. Шифф ставит под сомнение необходимость копирования сложившихся в США и Европе схем взаимодействия армии и политической системы и показывает, насколько более важным является уникальный социальный и исторический опыт каждой конкретной страны перед абстрактными моделями. Представляется, что изучение наиболее современных теорий гражданско-военных отношений, в особенности «теории взаимного согласия», позволит значительно лучше понять российские реалии и станет важной точкой опоры для поиска собственного российско-го пути построения взаимодействия армии и политической системы в ходе процесса модернизации.

Список литературы

1. Вестов В. Ф. Гражданский контроль над вооруженными силами в правовом государстве // Военная мысль. 2012. № 8. С. 52-60.
2. Денисенко В. С. Сэмьюэл Хантингтон о военно-гражданских отношениях во внешней политике США // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2001. № 1. С. 42-28.
3. Мустаев Р. III. «Теория согласия» в военно-гражданских отношениях Р. Шифф // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6. С. 128-131.
4. Creveld M. van. The Changing Face of War: Combat from Marne to Iraq. N. Y.: Presidio Press, 2005. 336 p.
5. Desch M. Civilian Control of the Military. The Changing Security Environment. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1999. 200 p.
6. Feaver P. Armed Servants: Agency, Oversight and Civil-Military Relations. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 400 p.
7. Finer S. The Man on Horseback: the Role of the Military in Politics. Boulder, CO: Transaction Publishers, 1988. 268 p.
8. Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 2006. 512 p.
9. Huntington S. The Soldier and the State: Theory and Practice of Civil-Military Relations. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957. 560 p.
10. Janowitz M. The Professional Soldier: Social and Political Portrait. Glencoe (USA): Free Press, 1961. 468 p.
11. Kuhn T. Structure of Scientific Revolutions. Chicago: Chicago University Press, 1962. 264 p.
12. Perlmutter A. The Military and Politics in Modern Times: Professionals, Praetorians and Revolutionary Soldiers. New Haven: Yale University Press, 1977. 355 p.
13. Schiff R. The Military and Domestic Politics: a Concordance Theory of Civil-Military Relations. L.: Routledge, 2009. 192 p.
14. Wallerstein I. Modernization R.I.P. // The Uses of Controversy in Sociology / ed. by L. Cozer. N. Y.: Free Press, 1976. 384 p.
15. Welch C. Disengagement from Politics: Paradigms, Processes or Random Events // Armed Forces and Society. 1992. № 18. P. 323-342.

**SEEKING WAY OUT OF THEORETICAL CRISIS: “POLITICAL SCIENCE PARADIGM”
OF CIVIL-MILITARY RELATIONS AT THE END OF THE XXTH – THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY**

Kozheurov Stanislav Aleksandrovich

*Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences
maarav@gmail.com*

The author pays special attention to the reasons of the large-scale theoretical crisis in the “political science paradigm” of civil-military relations and to the analysis of the way out of this crisis in the 2000s, having shown the connection between the theoretical crisis of civil-military relations and the gradual decline of modernization theory in the 1980s, covers the theoretical search alternative ways and shows how the theoretical search of the 2000s led to the actual fragmentation of the “political science paradigm” until its complete disappearance as a single research direction; in conclusion provides an overview of the current state of civil-military researches and shows the degree of the fruitfulness of modern theoretical models study for the formation of Russia’s own approach to creating the collaboration between the army and the political system.

Key words and phrases: civil-military relations; political science paradigm; crisis of the 1980s; S. Huntington; modernization; armed forces of Russia.

УДК 02(091)(2Рос-4Кус)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается правовое положение библиотек в России в конце XIX – начале XX в., роль земства Курской губернии в организации и развитии бесплатных народных библиотек, а также участие других общественных организаций в создании библиотек. Прослеживается динамика роста библиотек в уездах губернии. На основе исследований справочно-педагогического бюро курского губернского земства анализируются работа библиотек, состав фондов и читателей.

Ключевые слова и фразы: библиотечное дело; земство; сельские библиотеки; Курская губерния; внешкольное образование; бесплатные народные библиотеки; земские библиотеки; чтение.

Кононова Татьяна Леонидовна, к.и.н.

*Курский государственный университет
kononova55@mail.ru*

**ЗЕМСКИЕ НАРОДНЫЕ БИБЛИОТЕКИ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ:
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)©**

Общественный подъем эпохи великих реформ отразился и на библиотечном деле. В 1860-е гг. все сильнее проявлялась потребность в знании, и все более осознавалась необходимость библиотек для взрослого